

Вэй Син, услышав это, почувствовал, как камень свалился с души: если бы Чэнь Фэй удалось спасти, все были бы счастливы. Но не успел он порадоваться, как следующие слова Ван Цяня обрушились на него, словно удар дубиной.

— Однако боюсь, что пылкие чувства шестого молодого господина окажутся напрасными! Двор требует сотню красавиц в качестве дани. Много ли найдется таких в одной провинции? И наберется ли вообще нужное число во всем Тяньци? Думаю, брат Вэй, ты и сам прекрасно понимаешь. О последствиях мне даже говорить не стоит!

У Вэй Сина пересохло в горле. Слова застряли в груди, и он, нахмурившись, погрузился в раздумья. Наконец, сложив руки в приветственном жесте, он произнес:

— Госпожа Чэнь и молодой господин Чжоу питают друг к другу искренние чувства. Если ее заберут, это будет крайне неуместно!

— Какое еще неуместно! Наше дело — доставить людей и набрать нужное количество! А до наших тонкостей этим варварам дела нет!

— Господин...

Ван Цянь, заметив, что Вэй Син собирается возразить, недовольно оборвал его:

— Довольно! Я сказал тебе всё, что требовалось! Не будь неблагодарным!

Вэй Син снова почтительно протянул ему пачку серебряных билетов:

— Господин, я человек маленький, разве мог я ослушаться просьбы молодого господина Чжоу? Прошу, примите этот скромный дар.

Ван Цянь принял деньги и нетерпеливо махнул рукой, прогоняя его прочь, про себя выругавшись на неудачный день.

Проходя мимо сорока восьми красавиц, Вэй Син на мгновение замедлил шаг. Теперь, хочет он того или нет, его судьба была неразрывно связана с Чэнь Фэй. Поразмыслив, он решил посоветоваться с ней.

Вэй Син отвел Чэнь Буи в сторону, подальше от отряда, и рассказал ей все, что услышал, и все, что успел предположить.

Чэнь Буи нахмурилась, выслушала его и кивнула, показывая, что все поняла.

Вэй Син пристально посмотрел на нее и решил рискнуть. Он всегда чувствовал, что эта девушка непроста, и в ней была какая-то необъяснимая магия, дарующая удивительное спокойствие.

Чэнь Буи молча вернулась в строй и тихо села в углу. Она еще раз дословно прокрутила в голове слова Вэй Сина, пытаясь угадать истинные причины происходящего.

Хотя Чэнь Буи не была знакома с влиятельными столичными кланами и высокопоставленными чиновниками, по тому, как щедро и решительно действовал Чжоу Цзинтай, она понимала: дом Чжоу — это могущественный и знатный род.

Казалось бы, вызволить одну девушку из списка дани для Чжоу Цзинтая — сущий пустяк, или, в крайнем случае, найти замену не составило бы труда. Но раз он не смог этого сделать, значит, кто-то вмешался.

Причин могло быть только две: либо кто-то боялся, что Чжоу Цзинтай погубит свою карьеру из-за любви к красоте, либо кто-то затаил на него злобу за то, что он когда-то сломал кому-то руки или ноги, и теперь мстил. Исходя из этого, ее собственное положение едва ли будет завидным.

На следующий день, еще до рассвета, Чэнь Буи вышла наружу и столкнулась с Сяо Юй.

Сяо Юй медленно шла навстречу. Ее некогда живые глаза теперь казались тусклыми, а выражение лица было исполнено глубокой усталости и изнеможения.

Она тихо вздохнула и охрипшим голосом произнесла:

— Я не верю в то, что говорят остальные. Ты добрый человек, но я не стану тебя благодарить. Для меня жизнь — это мучение, и лишь смерть принесет освобождение. Живи, может быть, у тебя еще остался шанс на спасение.

Услышав это, Чэнь Буи невольно горько усмехнулась. Ее голос прозвучал низко, словно в нем сдерживались тысячи невысказанных слов:

— Но ведь только пока мы живы, есть надежда!

Сяо Юй лишь грустно улыбнулась и покачала головой. В этой улыбке сквозило душераздирающее отчаяние:

— Наша судьба была predetermined еще в тот миг, когда мы ступили на этот путь. Нас ждет финал, который уже невозможно изменить. Как бы мы ни старались что-то исправить, все это тщетно. Поэтому перестань совершать эти бессмысленные попытки. Возможно, единственное, что ты можешь изменить, — это только саму себя.

Чэнь Буи смотрела на прекрасное, но полное скорби лицо Сяо Юй, и сердце ее сжалось от боли.

Она глубоко вздохнула и, набравшись смелости, продолжила:

— Сестрица Сяо Юй, жизнь каждого человека одинаково ценна. Это лишь люди искусственно разделили нас на благородных и никчемных. Если мы сами презираем свою жизнь, кто тогда будет заботиться о том, выживем мы или нет?

Сказав это, Чэнь Буи тяжело вздохнула и отошла.

Сяо Юй долго стояла неподвижно, и слезы медленно покатались по ее щекам. Жизнь каждого одинаково ценна?

Сяо Юй погрузилась в воспоминания. Ее плач, сперва тихий, становился все громче, пока она не разрыдалась в голос, встревожив окружающих.

Хотя Сяо Юй не была дочерью знатного рода, она родилась в семье книжников. Отец был деревенским учителем, учеников было немного, и денег едва хватало на пропитание семьи из четырех человек. Отец, человек косный и недалекий, свято чтит каноны сыновней почтительности, поэтому все его внимание и забота доставались лишь старшему брату Сяо Юй. К ней же, как к дочери, он никогда не был особенно привязан.

Раньше Сяо Юй не считала это чем-то из ряда вон выходящим. Девушки ее возраста в деревне жили куда тяжелее: они не только трудились не покладая рук, но и постоянно терпели побои и брань от родителей и братьев.

Поэтому, даже не будучи любимицей отца, Сяо Юй считала себя счастливой. Она могла слушать, как отец обучает учеников, и учиться вместе с ними. С ранних лет принципы гуманности, долга, этикета, мудрости и верности глубоко укоренились в ее сердце.

Когда пришла весть о том, что ее отдают в качестве дани, отец не стал, подобно другим, бегать по округе, пытаясь выкупить дочь хотя бы скотом. Мать лишь утирала слезы и уговаривала Сяо Юй, мол, быть данью даже лучше — по крайней мере, не придется голодать и надрываться на тяжелой работе, как волу.

Но Сяо Юй была с этим не согласна. Жизнь и смерть — пустяки, а честь — превыше всего. Так называемая дань — это лишь красивое название для того, что на самом деле было отправкой в северные земли на роль армейских проституток. Живую девушку собирались бросить в земной ад, где она будет влачить существование хуже смерти.

Сяо Юй предпочла бы умереть. Каждый раз, думая о том, что ее ждет, она чувствовала, как тело цепенеет, а дыхание перехватывает от удушья.

Позже, когда ее заметили разбойники, трагедия случилась раньше срока. Она видела странные взгляды окружающих и чувствовала, что сходит с ума. Она ненавидела разбойников, но еще больше ненавидела саму себя.

Единственным отличием была Чэнь Фэй. В ее глазах не было презрения — только чистое сострадание.

Но почему она смеет сострадать? Почему она свысока жалеет ее, словно подачку бросает? Почему она смогла избежать опасности, а Сяо Юй должна позволить другим распоряжаться своей судьбой? Она ненавидела ее!

Сяо Юй все глубже погружалась в свой мир, день за днем вращаясь в круговороте боли и стыда. Когда она сорвалась с обрыва, то внезапно почувствовала, что смерть — это единственный выход.

А когда поняла, что кто-то ее удержал, то ощутила, будто у нее отобрали последнюю надежду. Даже в такой ничтожной мольбе ей было отказано.

Жизнь не сулила будущего, смерть была недоступна! Оставалось лишь превратить себя в посмешище.

Чэнь Фэй говорит, что все жизни одинаково ценны, но разве ее собственная жизнь, дешевая, как трава, может сравниться с жизнью высокопоставленных вельмож и знати?

Наверное, она такая же, как и она, иначе бы не оказалась в числе дани. Но откуда в ней столько уверенности, чтобы говорить такие вещи? То ли это невежество и хвастовство, то ли она действительно так думает.

Как бы то ни было, сама Сяо Юй так не могла!

Смешно, она ведь злилась на Чэнь Фэй из-за собственных несчастий, а та ни разу не ответила ей тем же, оставаясь такой же искренней, чистой и доброй.

Разве доброта — это ошибка? Возможно, в этом хаотичном мире доброта становится лишь слабостью, которой пользуются другие. Но кто из нас не мечтает о том, чтобы кто-то был добр к нам до самого конца?

Сяо Юй плакала долго, передумала многое, и оковы в ее сердце начали рушиться слой за слоем.

Человек живет, но жизнь каждого наполнена разным смыслом. Кто-то проживает ее в серости, а кто-то вспыхивает яркой искрой.

Возможно, никто не хочет быть посредственностью, и даже если есть лишь мгновение, хочется прожить его так, чтобы поразить весь мир.

Сяо Юй вытерла слезы и подняла взгляд. Небо казалось другим, и даже ветер стал свободным.

<http://bllate.org/book/21263/2153549>